

историю России в свете этой теории. И. Денисов считает, что теория третьего Рима — „это ключ, который позволяет понять жизнь русского народа в течение нескольких столетий его истории“²³. По мнению К. Туманова, в конце XVI—XVII в. и позднее „третье-ромизм („Third-Romism“) продолжал формировать мировоззрение (Weltanschauung) москвитов“²⁴.

Такой отрыв теории третьего Рима от внутреннего положения России конца XV—начала XVI в. способствует появлению всяческих фальсификаций. Доказать „агрессивность“ России в отношении Турции в XVI в. не представляется возможным без прямого фальсифицирования истории. Буржуазные авторы вынуждены отрицать официальный характер „третье-ромизма“ именно вследствие явного отсутствия у России в XVI в. планов отвоения византийского наследства²⁵. Даже Д. Оболенский, считающий идею третьего Рима официальной теорией, связанной с ростом „религиозного национализма“²⁶, признает, что царизм не сделал из нее практических выводов²⁷. Но при такой трактовке теории третьего Рима самое существо ее представляется агрессивным, ибо каким же другим могло оно быть, если практический вывод из него должен был свестись к завоеванию Византии. Д. Стрёмухов единственный более или менее твердо отрицает „агрессивность“ этой теории, которая, по его мнению, являлась „имперской“ (imperial), но не „империалистической“ (imperialistic)²⁸. Однако и он своим отрывом теории „Москва — третий Рим“ от конкретно-исторической обстановки начала XVI в. открывает лазейку для всякого рода произвольных ее толкований. Рассмотрение теории третьего Рима как постоянного (с конца XV в.) „мировоззрения москвитов“ — „теоретическая“ основа беспочвенных рассуждений К. Туманова. Считая внутренним противоречием „третье-ромизма“ соединение в нем древнеиудейского „мессианизма“ и вавилонского „империализма“, Туманов видит в указанном противоречии „диалектику агрессии“, которая якобы характеризует отношение России к „загранице“²⁹. Петр I, по мнению автора, ничего не изменил в этой теории, дав ей только светскую формулировку. Проявление идеи третьего Рима Туманов усматривает во всей внешней политике России и в том числе в „панславизме“. Прибегая к фальсификации, он не стесняется утверждать, что и в Советском Союзе жива агрессивная „традиция“ теории „третье-ромизма“³⁰. При вполне конкретном подходе к анализу идеи „Москва — третий Рим“ выясняются прежде всего ее внутривнутриполитические и, в частности, классовые корни. Это была неофициальная программа укрепления централизованного феодального государства. Объявление московского государя главой православного мира, освящение института великокняжеской власти преследовало в первую очередь цели борьбы с удельно-княжеским и боярским сепаратизмом, а также с народным движением.

Характеристика теории „Москва — третий Рим“ в книге Медлина связана с исследованием судьбы осифлянской концепции, так как автор

²³ É. Denisoff. Op. cit., p. 71.

²⁴ С. Туманов. Op. cit., p. 444. См. его же рецензию на книгу В. К. Медлина in The Journal of Modern History, vol. XXV, № 4, 1953, December, p. 419—420.

²⁵ Ibid., p. 442.

²⁶ D. Obolensky. Russia's Byzantine Heritage. Oxford Slavonic Papers. vol. I, 1950, p. 39—40.

²⁷ Ibid., p. 46.

²⁸ D. Strémoukhoff. Moscow the Third Rome..., p. 101, note 96.

²⁹ С. Туманов. Op. cit., p. 447.

³⁰ Ibid., p. 446—447.